

О
Л
К
О
Т
Т

Л
У
И
З
А

М.

Маленькие
женщины

Луиза Мэй Олкотт
Маленькие женщины
Серия «Империя чувств.
Классика в стиле аниме»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74121622

*Маленькие женщины:
ISBN 978-5-04-250383-2*

Аннотация

История разворачивается вокруг маленького дома на севере Америки, в котором живут четыре сестры. Эти девочки разного возраста и с разными характерами, и каждая из них проходит свой собственный путь, сталкиваясь с только ей понятными проблемами. Но, несмотря на несхожесть, маленькие женщины держатся вместе, оберегают свою семью и учатся друг у друга стойкости.

Красочные иллюстрации современного художника takanodem представлены в формате комикса, читающегося справа налево, и дают возможность по-новому увидеть классическое произведение.

Текст представлен в переводе Антона Иванова и Анны Устиновой.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава I	6
Глава II	26
Глава III	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

© Иванов А.Д., Устинова А.В., перевод на русский язык,
2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Вместо предисловия

Пусть эта небольшая повесть
Всё тайное со дна души поднимет,
Заставит вас подумать и понять,
Что нету доблести превыше доброты.

Пусть эта небольшая повесть
Представится вам вроде пилигрима,
Который вам поведал тьму историй,
Чтоб, их узнав, вы сделали мудрей.

Пусть эта небольшая повесть
Заставит вас задуматься о ближнем
И, несмотря на множество преград,
Обучит вас науке милосердия.

Из Джона Беньяна¹

---

¹ В книге не раз упоминается знаменитый нравоучительный роман-аллегория писателя и проповедника Джона Беньяна (1628–1688) «Странствия пилигрима». На своём пути к самосовершенствованию сёстры подражают некоторым моментам из этой книги. Пилигрим – странствующий богомолец, паломник к святым местам.

Глава I

Игра в пилигримов

– Ну что это за Рождество без подарков! – проворчала лежащая на ковре Джо.

– Ужасно быть бедным, – ответила Мег и со вздохом оглядела своё старое платье.

– Да уж куда хуже, – добавила маленькая Эми. – У одних девочек столько красивых вещей, что некуда девать, а у других вообще ничего нет!

Эми даже раскашлялась от досады.

– Ну, нам ещё не так плохо. У нас, по крайней мере, есть отец с матерью, да и живём мы все вместе, – отозвалась из своего угла Бет, и голос её звучал куда веселее, чем у остальных.

Услышав эти слова, девочки приободрились.

– Да, но папы-то с нами нет, – словно спохватилась Джо. – Когда мы теперь увидимся?

Тут все четверо снова затихли, и каждая невольно подумала о том, чего не сказала Джо: папа сейчас на войне², а значит, может вообще не вернуться.

Некоторое время сёстры молчали.

---

² Имеется в виду Гражданская война между Севером и Югом (1861–1865 гг.), положившая конец рабству в США.

– Вы же знаете, почему мама не хочет, чтобы мы дарили друг другу подарки на это Рождество, – сказала наконец Мег. – Зима предстоит трудная. И мама считает, что, пока мужчины воюют, женщины не имеют права тратить деньги на удовольствия. Конечно, от нас мало что зависит. Но будет справедливо, если мы пойдём на небольшие жертвы. Мама говорит, что такие жертвы должны приносить радость, но я... что-то не особенно радуюсь.

И, вспомнив, какие прекрасные вещи дарят обычно на Рождество, Мег грустно покачала головой.

– Да уж, невелика от нас польза: у каждой наберётся не больше доллара. Вряд ли армия разбогатеет от таких пожертвований. Впрочем, я обошлась бы в этом году без подарков. Но мне так хочется купить «Унди́ну и Синтрама», – с тоской произнесла Джо, которая более всего на свете любила книги.

– А мне нужны ноты, – призналась Бет и вздохнула так тихо, что вздох её услышали только кочерга да подставка для чайника.

– А я куплю коробку фаберовских цветных карандашей, – заявила Эми. – Они мне очень нужны.

– Но мама ничего не говорила о наших деньгах. Вряд ли она хочет, чтобы мы вообще от всего отказались. Хоть маленькие радости можно себе позволить? Нам ведь эти деньги не просто так достались! – с жаром произнесла Джо и тут же смутилась.

– Мне-то уж точно они достались не даром, – подхватила

Мег. – Целыми днями учить этих кошмарных детей! Дома-то сидеть куда лучше!

– Всё это просто пустяки по сравнению с тем, каково приходится мне, – сказала Джо. – Посмотрела бы я, как вам понравится сидеть целыми днями со взбалмошной старухой. Слушать её брюзжание, исполнять прихоти, а она вечно всем недовольна! Угодить ей просто невозможно. Она всё время меня пиявит. Так и хочется отхлестать её по щекам. Или самой выброситься в окно, чтобы никогда больше не видеть этой старой карги.

– Грех, конечно, жаловаться, но мне кажется, моя работа ещё хуже. Вас бы заставить мыть посуду и убираться! Знаете, как я устаю! И руки грубеют, я с трудом уже играю на рояле.

Бет грустно посмотрела на свои руки и громко вздохнула.

– Мне всё равно хуже! – воскликнула Эми. – Вам не надо ходить в школу. Над вами не издеваются эти мерзкие девчонки! Не выучу урок – они надсмеиваются! И над моими старыми платьями, и над нашим папой, раз он разорился. Они станут надсмеиваться даже над носом, если он им не понравится.

– Эми, – заметила со смехом Джо, – надо говорить не «надсмеиваются», а «насмехаются».

– Неважно, – отмахнулась Эми. – Ты ведь прекрасно поняла меня, так чего иронизировать? К тому же, – с важным видом добавила она, – новые слова расширяют кругозор.

– Да перестаньте вы препираться! О чём спорить? Конеч-

но, лучше, если бы папа не разорился. Когда я была совсем маленькой, мы были богатыми. В те времена мы не думали ни о какой экономии, – вздохнула Мег.

– Ну да, а вчера ты говорила, что мы счастливее королевских детей. И что королевские дети, хоть и богатые, то и дело ссорятся и дерутся.

– Верно, Бет. Я не отказываюсь от своих слов. Конечно, нам приходится трудно. Но ведь мы и повеселиться умеем. Недаром же Джо прозвала нас весёлой компанией.

– Вот-вот, – осуждающе заметила Эми. – И откуда только Джо набралась этих словечек!

И она бросила укоризненный взгляд на длинноногую Джо, которая по-прежнему лежала, вытянувшись на ковре. Джо тут же села и принялась свистеть.

– Перестань свистеть, Джо! Ты ведёшь себя как мальчишка.

– А я и хочу вести себя как мальчишка.

– Терпеть этого не могу!

– А я терпеть не могу благовоспитанных кривляк.

– «Птенчики в гнезде воркуют», – пропела Бет и скорчила такую потешную рожицу, что спорщицы весело рассмеялись.

Бет всегда выступала в роли примирительницы.

– Должна заметить, дорогие мои, что вы обе не правы, – назидательно произнесла Мег. Она была самой старшей и чувствовала за собой право давать советы остальным. – Ты,

Джозефина, уже достаточно большая. Пора оставить мальчишеские замашки и научиться вести себя прилично. Пока ты была маленькой, ещё куда ни шло. А сейчас посмотри, ты уже носишь причёску. И выглядишь как настоящая девушка.

– Никакая я не девушка! – упрямилась Джо. – А если всё дело в причёске, лучше уж я буду до двадцати лет носить косички. – Она сорвала с головы сетку, и каштановые волосы тут же разлетелись веером. – Противно думать, что я когда-нибудь превращусь во взрослую мисс Марч. Надену длинное платье и стану чопорной, как индюк. Мне и так не повезло. Угораздило же меня родиться девочкой, когда я так люблю играть в мальчишеские игры! Всю жизнь жалею, что я не мальчик. А теперь ещё больше. А то ушла бы воевать вместе с папой. Теперь вот сиди здесь и вяжи, точно древняя старуха!

Джо в сердцах так сильно встряхнула синий армейский носок, который вязала во время разговора, что спицы звякнули, а клубок шерсти покатился в угол.

– Бедная Джо! Наверное, тебе действительно не повезло. Но тут уж ничего не поделаешь, придётся довольствоваться прозвищем. Впрочем, если хочешь, мы готовы считать тебя старшим братом, – сказала Бет.

При этом она ласково поглаживала Джо по густой шевелюре, и та могла убедиться, что, несмотря на мытьё посуды, руки Бет остались по-прежнему нежными.

– Не могу похвалить и тебя, Эми, – продолжала Мег. – Ты

впадаешь в другую крайность. Ты слишком чопорна и манерна. Пока это забавно, но если ты вовремя не остановишься, рискуешь превратиться в жеманную барышню. Как приятен человек, хорошо воспитанный и умеющий изящно выражать свои мысли! Ты же словечка в простоте не скажешь! Поверь, высокопарные речи звучат не лучше мальчишеского жаргона Джо.

– Итак, Джо – «сорванец», Эми – «жеманная барышня». Ну а я кто, по-твоему? – спросила Бет, готовая выслушать свою долю наставлений.

– Ты у нас прелесть, – ласково ответила Мег.

Никто из сестёр не возразил. Бет, которую в семье звали Мышкой, была всеобщей любимицей.

А теперь, дорогие мои юные читатели, настало время хоть в общих чертах набросать портреты четырёх сестёр. Мы застали их декабрьским вечером за вязанием. В камине весело потрескивают дрова, а за окном идёт снег.

Комната, в которой расположились сёстры, обставлена самой простой мебелью, а ворс на ковре изрядно потёрт. И всё-таки здесь очень уютно. На стенах висят дорогие картины, в простенках высятся книжные полки, подоконники украшены хризантемами и рождественскими розами. Словом, по всему – настоящий семейный очаг.

Старшая сестра, шестнадцатилетняя Маргарет, очень хороша собой. Нежный овал лица, огромные глаза, красиво очерченный рот, густая шапка каштановых волос, красивые

руки... Теперь вы представляете, что супруги Марч могут по праву гордиться своей старшей дочерью.

Джо, годом младше Мег, внешне являет полную ей противоположность. Высокая, худая, смуглая, она чем-то напоминает жеребёнка. Она положительно не знает, куда девать свои длинные руки и ноги, и кажется, что они ей вечно мешают. Линия рта свидетельствует о решительности характера. А серые глаза словно пронизывают собеседника насквозь. Глаза Джо выдают всё, что у неё на душе. И так как настроение у неё часто меняется, во взгляде можно прочесть то насмешку, то задумчивость, а порой и ярость. Густые длинные волосы – пожалуй, единственное украшение её внешности. Но Джо они мешают, и она забирает их под сетку.

Сейчас Джо в самом «неудачном» возрасте. Небрежность в одежде, неуклюжие движения – всё выдаёт в ней подростка, который вот-вот превратится в девушку, но почему-то изо всех сил сопротивляется природе.

Элизабет, или, как все её называют, Бет, – ясноглазая тринадцатилетняя девочка. Розовощёкая, гладко причёсанная, говорит тихим голосом, удивительно миролюбива. Вот почему отец прозвал её Тихоней. Она действительно будто живёт в своём особом мирке и выходит из него только к тем, к кому питает любовь и уважение.

Эми, хоть и самая младшая, несомненно, обладает самым сильным характером, да и достаточно высоко себя ставит. Белолицая, стройная, голубоглазая, с золотистыми кудрями

до плеч, она держит себя несколько чопорно и во всём старается походить на настоящую взрослую леди.

Когда часы пробили шесть вечера, Бет подмела золу перед очагом и поставила к огню старые тапочки. Увидев это, девочки приободрились: скоро вернётся Марми. Так сёстры называли свою мать.

Мег оставила поучения и зажгла лампу. Эми тотчас освободила кресло, а Джо, позабыв об усталости, встала с ковра и подвинула тапочки ближе к огню.

– Они совсем износились, – заметила она. – Марми давно пора купить новые.

– Пожалуй, я это сделаю на свой доллар, – отозвалась Бет.

– Нет, я! – воскликнула Эми.

– Вы забываете, кто тут старший, – возразила Мег, но Джо не дала ей договорить:

– Нет уж! Когда папа уходил на войну, он сказал, что, пока не вернётся, за мужчину в доме остаюсь я. Значит, и о маме в его отсутствие должна заботиться я. Так что новые тапочки – не ваша забота.

– Я предлагаю поступить так, – сказала Бет. – Себе мы в этот раз ничего покупать не будем. Купим что-нибудь маме.

– Наша Бет верна себе! – воскликнула Джо. – Но что же мы купим маме?

Девочки на минуту задумались. Первой нарушила молчание Мег. Поглядев на свои красивые руки, она вдруг поняла, какой подарок больше всего обрадует мать.

– Я куплю ей перчатки, – сказала она.

– А я – самые крепкие тапочки! – воскликнула Джо.

– А я куплю флакон любимых маминых духов. Они стоят недорого, и у меня останутся деньги, чтобы купить что-нибудь себе, – добавила Эми.

– А как мы всё это подарим? – поинтересовалась Мег.

– Разложим на столе, а потом позовём Марми – пусть разворачивает свёртки, как это делаем мы в дни рождения.

– Я помню мои дни рождения, когда я была маленькая, – призналась Бет. – Почему-то страшновато было сидеть в кресле с короной на голове! Вы несёте мне подарки, а я боюсь шевельнуться! А так хотелось скорее развернуть свёртки!

Говоря это, Бет поджаривала на огне хлеб. От огня щёчки её разрумянились.

– Пусть мама думает, что мы собираемся покупать подарки себе. Вот будет сюрприз! За покупками пойдём завтра днём, правильно, Мег? Ещё нам придётся повозиться с рождественским представлением, – сказала Джо, горделиво расхаживая по комнате.

– Наверное, это последнее рождественское представление, в котором я буду участвовать. Я ведь уже выросла, – с грустью заметила Мег, которая обожала игру с переодеванием.

– Перестань! И дальше будешь прекрасно играть, – сказала Джо. – Так я и поверила, что ты откажешься расхаживать

по сцене с распущенными волосами и в белом платье с украшениями из золотой фольги. Ты у нас лучшая актриса! Без тебя не будет ни одного представления. Сегодня нам надо обязательно порепетировать. Ну-ка, Эми, попробуй ещё раз упасть в обморок. Прошлый раз у тебя неважно получилось. Ты была прямо как деревянная.

– Но что же мне делать? Я никогда не видела, как падают в обморок. А если упасть, как ты показываешь, набьёшь синяков. Можно мне не падать? Лучше опуститься в кресло. Пусть тогда этот Хуго грозит мне пистолетом сколько угодно, – возразила Эми.

В отличие от старшей сестры, у Эми не было никакого актёрского дарования. На роль в домашнем спектакле её выбрали только за маленький рост и хрупкое телосложение. По ходу пьесы герою приходилось уносить её со сцены, и сёстры решили, что лучше Эми тут никого не придумаешь.

– Тогда попробуй так, – предложила Джо. – Заламывай руки и, шатаясь, неверными шагами, направляйся в комнату. Кричи: «Родриго! На помощь! Спаси меня!»

Мольба о помощи в устах Джо прозвучала столь натурально, что сёстры поневоле вздрогнули.

Эми попыталась повторить, но у неё опять не вышло. Движения её отличались такой скованностью, а крик прозвучал столь неестественно, что в лучшем случае можно было подумать, будто она уколола палец булавкой. Во всяком случае, смертельной опасностью тут и не пахло.

Посмотрев на эти жалкие потуги, Джо застонала от бессилия, а Мег расхохоталась. Увлечённая репетицией, Бет забыла про хлеб, который жарила на огне, и гренки подгорели.

– Безнадёжно, – развела руками Джо. – Постарайся хоть во время спектакля сыграть получше. Но предупреждаю: если зрители тебя освищут, они будут правы. И я в этом не виновата. Теперь давай ты, Мег!

Дело пошло гораздо лучше. Дон Педро бросил миру вызов, текст которого занимал в пьесе целых две страницы. Несмотря на это, Джо, исполнявшая роль донна Педро, ни разу не сбилась. Колдунья Хагар произнесла заклинания над котелком с волшебным варевом. Родриго сорвал с себя окovy, а Хуго, отравленный мышьяком, забился в судорогах. Он несколько раз истошно выкрикнул: «Ха! Ха!», а затем скончался.

– Отлично, – похвалила Мег, когда умерщвлённый злодей, потирая ушибленный локоть, поднялся на ноги.

– Просто удивительно, Джо! – восхитилась Бет. – Ты сочинишь такие отличные пьесы да ещё умудряешься здорово играть в них. Ты у нас просто Шекспир!

Добрая Бет обожала сестёр и была совершенно уверена, что все они по-своему гениальны.

– Ну уж, Шекспир, – заскромничала Джо. – Хотя эти «Проклятые колдуньи» действительно получились неплохо. А вообще-то мне очень хотелось бы сыграть леди Макбет. Жаль, у нас нет люка для Банко. Мне давно хочется поста-

вить сцену убийства. «Не кинжал ли вижу я перед собой?» – продекламировала Джо, по примеру исполнителей трагических ролей закатывая глаза и ища руками опору в воздухе.

– Нет, это не кинжал! – со смехом воскликнула Мег. – Это всего лишь вилка для гренок, только вот не понимаю: почему на ней вместо хлеба мамина тапочка?

Тут все обратили внимание на Бет. Увлёкшись репетицией, она действительно зацепила вилкой для гренок тапочку да так и сидела с ней перед камином. Дружный смех привёл её в чувство.

– Рада, что вы так веселитесь, девочки! – раздался голос матери.

Актёры и зрители, которых воплощала Бет, тут же повернулись к двери. Там стояла добродушная женщина, от которой веяло любовью и готовностью прийти на помощь каждому, кто в этом нуждается. Мать девочек не отличалась особенной красотой. Но для дочерей мать всегда прекрасна, и девочки не сомневались, что под серым плащом и вышедшим из моды капором скрывается самая привлекательная женщина на свете.

– Ну, как провели день, мои милые? А вот нам пришлось туго. Срочно отправляли посылки на фронт, целый день упаковывали. Я даже вырваться домой пообедать не смогла. Кто-нибудь заходил, Бет? А как твой насморк, Мег? Джо, у тебя усталый вид. Ну-ка подойди ко мне, милая.

Продолжая задавать вопросы, в каждом из которых скво-

зила истинно материнская забота, миссис Марч сняла мокрый плащ и ботинки и надела тёплые тапочки. Устроившись в мягком кресле, она притянула к себе Эми и усадила её на колени. Сейчас для миссис Марч наступало самое счастливейшее время суток.

Девочки суетились вокруг матери, каждая на свой лад заботилась, чтобы ей было удобно и спокойно.

Джо принесла дров и, опрокидывая и громыхая всем, чего касалась, принялась расставлять стулья. Бет бесшумно сновала из комнаты в кухню. А Эми, сложа руки, распоряжалась сёстрами.

Когда они наконец уселись за стол, лицо миссис Марч просветлело, и она торжественно объявила:

– Похоже, у меня есть для вас сюрприз.

Сёстры не отрывали от матери глаз; Бет, забыв о том, что держит в руках горячие гренки, захлопала в ладоши, а Джо, подбрасывая в воздух салфетку, крикнула:

– Письмо! Письмо от папы! Ура в папину честь!

– Да, – подтвердила миссис Марч. – Папа прислал длинное письмо. Очень хорошие новости. Здоров. Папа зря опасался холодов, он легко переносит их. Папа поздравляет нас всех с Рождеством, а вам, девочки, вложил отдельную записку. – И миссис Марч похлопала себя по карману с таким видом, будто там хранились несметные богатства.

– Доедайте скорее. А ты, Эми, поменьше бы любовалась своими пальчиками и побыстрее бы ела, – возмутилась Джо,

даваясь чаем и роняя на ковёр гренки с маслом. Но сейчас было не до таких мелочей: ей не терпелось как можно скорее прочесть письмо.

У Бет от волнения пропал аппетит. Ей тоже не терпелось узнать, что пишет папа. Однако она не стала никого торопить. Устроившись в уголке, Бет терпеливо дожидалась, пока остальные допьют чай.

– Наверное, не каждый на папином месте пошёл бы на войну, – сказала Мег. – Ведь он уже не призывного возраста и имел полное право остаться дома. В особенности при его слабом здоровье. А он всё-таки пошёл полковым капелланом³.

– Вот бы стать барабанщиком или санитаром! Тогда мы сейчас с папой были бы вместе! – мечтательно проговорила Джо.

– Как это, наверное, противно – спать в палатке, есть невкусную пищу и пить из оловянной кружки, – вздохнула Эми.

– Марми, а папа скоро вернётся? – спросила Бет, и голос её дрогнул.

– Через несколько месяцев, милая. Он намерен выполнить свой долг до конца – останется в армии, пока нужен. Нам не следует его торопить. А теперь слушайте письмо.

Все собрались у камина. Мать снова опустилась в большое мягкое кресло, Бет устроилась у её ног, Мег и Эми сели на

---

³ Капеллán – священник в армии.

поручни кресла, а Джо перегнулась через спинку. Это был хитрый манёвр, чтобы никто не заметил, если при чтении письма у неё выступят слёзы.

В те трудные для нашей страны времена фронтовые письма отличались такой искренностью, что их невозможно было читать без слёз. Но письмо мистера Марча было несколько иного рода. Он живописал особенности армейской жизни, военные походы и фронтовые новости. И лишь в конце письма, словно не в силах более сдерживаться, говорил о своей любви к дочерям, с которыми его разлучила война.

«Передай девочкам, что я их люблю. Расцелуй их от меня. Скажи, что я думаю о них днём, молюсь по ночам, а их привязанность ко мне – главное моё утешение. Когда я вспоминаю, что мне ещё год предстоит быть в разлуке с дочерьми, год этот кажется мне вечностью. Передай девочкам, что в дни разлуки мы можем трудиться, и тогда время ожидания пройдёт для нас не напрасно. Я не сомневаюсь: они помнят всё, о чём мы говорили. Я просил девочек быть особенно нежными с тобой, помнить о своём долге, бороться с тем, что мы с ними называли «внутренними врагами». Уверен: когда я вернусь, я смогу гордиться своими дочерьми больше прежнего».

Тут прослезились все, и Джо не пришлось стыдиться того, что по её носу скатилась огромная слеза. А Эми совсем не тревожилась по поводу своих растрепавшихся кудрей. Она уткнула мокрое от слёз лицо в материнскую грудь и, всхли-

пывая, проговорила:

– Я знаю! Я слишком люблю себя! Но я постараюсь быть другой! Папа не разочаруется во мне.

– Мы все постараемся! – подхватила Мег. – Я, например, слишком обращаю внимание на свою внешность. И не люблю трудиться. Но я попробую взять себя в руки. Если, конечно, смогу.

– А я, как просил папа, постараюсь стать «маленькой женщиной», – сказала Джо. – Попробую быть помягче. И исполнять свой долг здесь, а не ждать неизвестно чего. Мне иногда кажется, что держать себя в руках дома куда труднее, чем сражаться с мятежниками на Юге.

Бет ничего не сказала. Она просто вытерла слёзы голубым носком, который вязала для солдат-северян, и снова взялась за спицы. Не придумывая себе других обязанностей, она попросту решила, что чем больше будет работать, тем сильнее обрадуется отец, когда вернётся домой.

– А помните, когда вы были совсем маленькие, вы играли в «Странствия пилигрима»? Как вы радовались, когда я вместо котомок привязывала вам на спину свои старые сумочки, а на головы надевала шапки! Потом в одну руку вы брали по палке, а в другую – свиток бумаги. И пускались в странствие по дому. Начинали с подвала, это был Разрушенный город, и добирались до крыши – там у вас был Небесный град.

– Да, здорово! – тут же отозвалась Джо. – Мы проходили мимо Львов, вступали в битву с демоном бездны Аполлио-

ном, а потом попадали в Долину гномов.

– А мне больше всего нравилось, когда мы сбрасывали с себя котомки и они скатывались вниз по лестнице, – сказала Мег.

– А я всегда ждала, когда мы поднимемся на крышу. Там мы становились рядом между цветов, кустов и разных красивых вещей; нас освещало солнце, и мы пели хором.

– А я мало что помню про эту игру. Помню, как мне нравилось, когда мы забирались на крышу, ели пирог и запивали его сиропом. Жаль, что я уже выросла. Я бы с удовольствием поиграла в пилигримов, – сказала Эми, которая, едва ей исполнилось двенадцать, начала вполне серьёзно утверждать, что пора уже ей оставить детские забавы.

– Ошибаешься, милая, – возразила миссис Марч. – В эту игру каждый человек играет до самой смерти. У каждого из нас есть свои ноши и дорога, а путь к Небесному граду безошибочно укажет нам стремление к добру и счастью. Пусть стремление это окажется сильнее невзгод и ошибок. Итак, дорогие мои, отчего бы вам снова не стать пилигримами? Только теперь не понарошке, а всерьёз. Интересно, каких успехов добьётся каждая из вас к папиному возвращению?

– Верно, мама. А где наши котомки? – осведомилась Эми, которая в силу своего возраста воспринимала всё слишком буквально.

– Ваши котомки? – отозвалась мать. – Но ведь вы только что признались, какие недостатки вас угнетают. Вот это

и есть ваши котомки, ваша ноша. С ними и отправляйтесь в «Странствия пилигрима». А Бет молчит. Видно, её ничто не обременяет.

– Нет, мама. У меня есть своя ноша. Я не люблю мыть посуду и возиться с пыльными тряпками. Я завидую девочкам, у которых есть хорошие рояли. И ещё я боюсь посторонних людей.

«Ноша» Бет показалась всем столь смехотворной, что и матери и дочерям стоило немалых усилий сохранить серьёзный вид. И всё-таки никто не позволил себе даже улыбнуться – они ведь знали, что это обидит Бет.

– Давайте попробуем, – задумчиво проговорила Мег. – Может, это и правда поможет нам стать лучше? Ведь каждая из нас хочет этого. Не так-то легко избавиться от своих недостатков. Мы ведь часто даже против воли ведём себя не так, как хотелось бы. А тут сама игра не даст нам забыть, и мы будем следить за собой.

– Ну да! Вот, например, сегодня мы были в Пучине отчаяния. А потом пришла Марми, и мы почувствовали, будто пришла Помощь и вызволила нас на свет. Нам надо сделать что-то вроде Свода устремлений, ну, как у христианина из «Странствий пилигрима», – предложила Джо. – Только вот как? – задумалась она.

Джо очень понравилась эта идея. «Странствия пилигрима» придавали скучным домашним обязанностям увлекательность и даже таинственность.

– Загляните в рождественское утро под подушку. Там каждая найдёт для себя Свод устремлений, – ответила миссис Марч.

Они так увлеклись этой затеей, что засиделись в столовой до той поры, пока старая служанка Ханна не пришла убирать посуду. Потом на свет извлекли четыре корзинки для рукоделия, и у девочек замелькали в руках иголки. Сегодня они подшивали простыни для тётушки Марч. Это была нудная работа, но почему-то никто не ворчал. Джо кое-что придумала, и вместо скучных и нескончаемо широких краёв полотна перед мысленным взором девочек вдруг предстали континенты – Европа, Азия, Африка и Америка. Дело пошло веселее. Каждый рассказывал всё, что знал о своём континенте, и за разговорами работа шла быстрее.

В девять вечера девочки, как обычно, отложили шитьё и перед сном спели несколько песен. Бет, которая умела хорошо играть на стареньком фортепиано, аккомпанировала. Пальцы её легко касались пожелтевших клавиш, извлекая нежные, чистые аккорды, а девочки пели незатейливые песни. Голос Мег звучал чище, чем флейта, и они вместе с матерью вели за собой маленький хор. Пение Эми смахивало на уютные рулады сверчка, а Джо вообще пела какие-то свои особые мелодии, и голос её явно не способствовал слаженности хора.

И всё-таки никакие оплошности не мешали семейству Марч ощущать в эти минуты перед сном подлинное блажен-

ство. Безыскусные песни, которые они пели с тех пор, как едва научились говорить, сплачивали их, и они как никогда чувствовали поддержку друг друга, и на душе у каждой становилось радостно и спокойно.

Кроме того, миссис Марч и впрямь обладала певческим даром. Первое, что слышали девочки, пробуждаясь, была песня матери. Голос её лился свободно, без натуги, словно песня жаворонка. И засыпали девочки тоже под пение матери. Когда сёстры подросли, они никак не хотели отказываться от колыбельной, которую так чудесно пела им миссис Марч.

Глава II

Рождество

Первой в рождественское утро проснулась Джо. Рассвет выдался серый, сумрачный. Джо глянула по привычке на каминную полку, где девочки всегда находили чулки с рождественскими подарками, но на этот раз она была пуста. На какой-то миг Джо охватило разочарование. Однажды она уже испытала его, когда была совсем маленькой: предназначенный ей чулок был туго набит, так туго, что от тяжести свалился на пол, а Джо решила, что ей единственной ничего не подарили. Правда, сейчас она недолго предавалась грусти, вспомнив, что мама советовала заглянуть под подушку. Джо так и поступила – вот он, томик в красном переплётё.

О, Джо прекрасно знала эту книгу! В ней рассказывалось о жизни столь добродетельной, что, без сомнения, любой «пилигрим» мог пользоваться ею как путеводителем и найти в ней выход из самых трудных ситуаций. Это было Евангелие.

Джо тут же побежала будить Мег. Растолкав сестру и пожелав ей счастливого Рождества, она посоветовала ей заглянуть под подушку – и тут же на свет появился ещё один экземпляр Евангелия, в зелёном переплётё. Вслед за Мег проснулись Бет и Эми. Одной из них досталось Евангелие

в сером переплёте, другой – в синем. В каждой из четырёх книг была дарственная надпись матери, что придавало подарку особенную ценность.

Потом сёстры принялись рассматривать книги. Тем временем небо на востоке порозовело, и в комнате стало совсем светло.

– Девочки, – сказала Мег и по очереди посмотрела на каждую из сестёр. – А ведь мама не просто так подарила каждой из нас Евангелие. Она хочет, чтобы мы побольше читали его и думали. С тех пор как папа ушёл на войну, мы все немного распустились. Не знаю, как вы, а я положу свою книгу на тумбочку возле кровати и буду каждое утро читать хоть по несколько страниц. Уверена, мне будет о чём поразмыслить в течение всего дня. А первые страницы я прочту прямо сейчас.

Мег была не чужда тщеславия, что, впрочем, не мешало ей оставаться доброй и набожной. Сёстры любили и слушались её. Даже строптивая Джо всегда смирялась перед мягкостью и редким тактом сестры.

Мег открыла книгу и стала читать. Джо тоже углубилась в чтение, обняв старшую сестру за плечи, и на необычайно подвижном лице её воцарилось выражение сосредоточенности.

– Наша Мег просто молодчина. Давай, Эми, и мы начнём читать свои книги, – тихо сказала Бет, которую решение двух старших сестёр восхитило не меньше, чем подарок матери. – Мы будем читать вместе. Если тебе, Эми, встретятся труд-

ные слова, я помогу, а если и я не пойму, Мег или Джо нам объяснят.

– Как здорово, что моя книга синяя, – сказала Эми.

Потом стало очень тихо. Даже страницы девочки переворачивали почти без шелеста. Они так увлеклись, что не заметили, как прошло полчаса.

– Но где же Марми? – удивилась Мег, когда, закрыв наконец книги, сёстры спустились вниз поблагодарить мать.

– Понятия не имею, – ответила Ханна. – К нам пожаловало какое-то несчастное существо, и ваша матушка тут же побежала помогать. Никогда ещё не видела женщины, которая так любила бы разбазаривать продукты, одежду и топливо.

Ханна жила в семье Марч с самого рождения Мег, и семейство давно перестало считать её служанкой. Марчи относились к Ханне как к близкой родственнице.

– Мама, наверное, скоро придёт, – сказала Мег, – так что давайте пока всё приготовим. – И Мег кинула выразительный взгляд на корзину с подарками, которую сёстры до поры до времени спрятали под диван. – А где же флакон духов?

– Эми только что взяла его, – объяснила Джо, которая, надев новые тапочки, танцевала, чтобы размять их. – Наверное, она надумала обвязать его ленточкой.

– Мои носовые платки выглядят совсем неплохо, правда? Я попросила Ханну выстирать их и выгладить, а потом сама вышила метки. – И Бет горделиво посмотрела на не слишком-то ровные буквы, которые тем не менее потребовали от

неё немалою труда.

– Милый ты мой ребёнок, – засмеялась Джо, разглядывая платочек. – Вместо «Марч» вышила «Мама»!

– А что? – расстроилась Бет. – Я думала, так лучше. Вот у Мег ведь тоже инициалы «М. М.», а мне хотелось, чтобы всем сразу было понятно, что эти платки мамины.

– Правильно, милая. Ты очень хорошо всё придумала. Так действительно будет лучше. Уверена, маме твои платки очень понравятся, – успокоила девочку Мег.

Она ласково улыбнулась Бет и кинула осуждающий взгляд на Джо.

Тут дверь в прихожей хлопнула, и в коридоре послышались шаги.

– Мама идёт! – крикнула Джо. – Прячьте скорее корзину! Но это была не мама, а Эми. Сёстры недоумённо смотрели на неё; смущённая их пристальными взглядами, Эми опустила голову.

– Где ты была и что прячешь за спиной? – спросила Мег. Поступок сестры очень её удивил. Поразительно! С утра пораньше Эми уже куда-то сбегала!

– Только пусть Джо не смеётся надо мной, – отозвалась Эми. – Я просто не хотела, чтобы вы узнали раньше времени. Я сбегала в магазин и обменяла маленький флакон духов на большой. Теперь я истратила все свои деньги. Не хочу быть эгоисткой!

И Эми с гордостью продемонстрировала новый наряд-

ный флакон. Он действительно выглядел куда внушительнее прежнего.

Во всём облике Эми чувствовалась искренняя радость и гордость тем, что она сумела преодолеть себя. Мег тут же подошла к ней и ласково обняла за плечи. Джо объявила, что Эми просто молодец, а Бет подошла к окну, где стояли горшки с цветами, и сорвала свою самую лучшую розу, чтобы украсить новый флакон.

– После того как мы почитали утром, мне стало стыдно... Вот я и побежала в лавочку... Я так рада, что успела... Теперь у меня самый красивый подарок.

Тут входная дверь снова хлопнула, и корзина опять была отправлена под диван, а девочки быстро уселись за стол.

– Счастливого Рождества, Марми! Поздравляем! Спасибо за книги! Мы уже начали их читать. Теперь будем читать каждое утро! – перебивая друг друга, выпалили сёстры.

– Счастливого Рождества, дочки! Хорошо, что вы уже начали читать. Правильно, продолжайте каждое утро. Но пока мы не сели завтракать, мне нужно вам кое-что сказать. Недалеко отсюда живёт одна несчастная женщина. У неё совсем недавно родился малыш, а шестеро старших детей вынуждены спать в одной постели, чтобы хоть как-то согреться. У них нет ни еды, ни дров, чтобы развести огонь. Старший мальчик зашёл утром и рассказал, как они бедствуют. И вот что я хотела вам предложить, дети. Давайте отдадим им наш праздничный завтрак. Пусть это будет для них по-

дарком к Рождеству.

Девочки не ответили, они долго ждали завтрака, и им очень хотелось есть. И всё-таки, помолчав, Джо отчётливо произнесла:

– Хорошо, что ты успела до того, как мы начали завтракать!

– А можно и мне пойти? – спросила Бет. – Я помогу нести еду для бедных детей.

– Я отнесу им сливки и булочки, – решительно заявила Эми.

Тот, кто знал Эми, мог по достоинству оценить этот акт самопожертвования: сливки и булочки были её самым любимым лакомством.

Тем временем Мег сложила в миску гречневые оладьи и теперь укладывала ломти хлеба на большое блюдо.

– Вижу, я в вас не ошиблась, – сказала миссис Марч и улыбнулась. – Думаю, мы пойдём все вместе. Вы поможете мне, а потом мы вернёмся домой и позавтракаем хлебом с молоком. В конце концов, до обеда останется не так уж много времени. Думаю, не умрём с голода.

Вскоре всё было готово, и семейство Марч отправилось в путь. Со стороны утреннее шествие с рождественским завтраком в руках могло показаться достаточно забавным. Но, к счастью для нашей маленькой процессии, люди ещё не вышли на улицу, и, так и не попавшись никому на глаза, семейство переулками добралось до цели.

Вошли в нищенское жилище. Такого убожества девочкам ещё не приходилось видеть! Выбитые окна, потухший очаг, ветхое тряпье на кровати, а под ним – больная женщина с орущим младенцем и голодные ребятишки постарше.

Какой радостью засветились лица этих несчастных, когда они увидели, что принесли им девочки!

– О, майн готт! Верно, это сами ангелы снизошли до нас! – воскликнула женщина, и на глаза её навернулись слёзы.

– Хороши ангелы в vareжках и капюшонах! – усмехнулась Джо.

Её слова были встречены дружным смехом.

Несколько минут спустя казалось, что в доме и впрямь потрудились добрые духи. Ханна принесла дрова и развела огонь в очаге, а потом, пустив в ход старые шляпы и собственную шаль, законопатила дыры в оконных проёмах. А миссис Марч перепеленала малыша и угостила кашей и горячим чаем больную женщину, уверив её, что не оставит их в беде.

Девочки накрыли стол и, рассадив детей вокруг пылающего очага, угощали их. Позавтракав, ребятишки принялись весело болтать, перемежая английские и немецкие слова, и девочки Марч с трудом понимали эту причудливую мешанину.

– Как хорошо! Дети-ангелы принесли нам поесть! Теперь у нас сытость в животах и тепло вот тут, – твердили несчастные дети, непрерывно работая челюстями и протягивая руки

к весело потрескивающему пламени.

Никто ещё не называл девочек Марч ангелами, и теперь, слыша о себе такое, они были довольны. В особенности это понравилось Джо, которую с рождения, кажется, иначе как сорванцом не величали. Словом, несмотря на то, что у сестёр с самого утра не было и маковой росинки во рту, завтрак пришёлся им по душе. Конечно, девочки были голодны, но, вернувшись домой и позавтракав хлебом с молоком, каждая из них чувствовала, что одержала победу.

– Наверное, это и значит: «Возлюби ближнего твоего как самого себя», – сказала Мег. – Вроде сегодня у нас это вышло.

Воспользовавшись тем, что миссис Марч поднялась наверх собрать одежду для семейства Хуммелей (тех самых несчастных, кого они навещали утром), девочки достали из-под дивана корзину и разложили подарки.

Конечно, в лучшие времена семейство Марч знавало куда более богатые подарки на Рождество, но в свои маленькие пакетики девочки вложили столько любви, а высокая ваза с красными розами и белыми хризантемами придавала скромным дарам такую нарядность, что выглядело всё очень празднично.

– Идёт! Идёт! Садись за рояль, Бет! А ты, Эми, открой маме дверь. Ура в честь Марми! – закричала Джо, прыгая от нетерпения.

Бет заиграла весёлый марш, Эми распахнула дверь, а Мег

не спеша провела миссис Марч по столовой и усадила на почётное место.

Миссис Марч очень тронули приготовления в её честь. Она разглядывала подарки, читала записки, которые дочери вложили в пакетики, и в глазах у неё стояли слёзы. Она немедленно надела новые тапочки, смочила духами Эми и отправила в карман платья один из платков с вышитыми инициалами, примерила перчатки, которые, по её словам, оказались совершенно впору, и, наконец, приколола к платью лучшую розу, которой, как мы помним, девочки украсили флакон с духами.

Потом последовали поздравления, поцелуи, объятия, смех – словом, всё то, что сопутствует семейным торжествам и придаёт им особое обаяние.

Когда же веселье несколько угасло, все принялись за дело. Утреннее путешествие и вручение подарков отняли так много времени, что остатка дня едва хватало на приготовления к вечернему торжеству.

Девочкам нечасто удавалось попасть в театр. Скромные средства не позволяли ставить домашние спектакли с той пышностью, с какой бы им хотелось. Но, памятуя о пословице, гласящей, что голь на выдумки хитра, сёстры проявляли изобретательность и умудрялись ставить спектакли, делая собственными руками всё, что требовалось для воплощения пьесы.

Многие из этих поделок впечатляли остроумием и наход-

чивостью. Гитары из папье-маше, старинные лампы из отслуживших свой век старых соусников, обёрнутых серебряной фольгой; на царственные мантии шли старые простыни, украшенные блёстками, которые девочки вырезали из жестяных консервных банок. Материалами для рыцарских лат служили всё те же консервные банки; латы изготовлялись из нескольких жестяных крышек, хитроумно скреплённых воедино.

Мебель переворачивали вверх ногами или переставляли, и в результате комната превращалась в подобие маленького театра, на сцене которого девочки разыгрывали разнообразные представления.

Мальчиков до участия в домашних спектаклях не допускали, и все мужские роли играла, к вящему своему удовольствию, Джо. Надо было видеть, с каким восторгом натягивала она на себя некогда чёрные сапоги, кожа которых давно порыжелала от старости. Сапоги пожертвовала ей подруга, а у той, в свою очередь, была подруга, знакомая с настоящим актёром. Вот эти-то сапоги, а также старая рапира для фехтования и продырявленный камзол, когда-то служивший художнику, который писал картину на рыцарский сюжет, составляли главные сокровища Джо, и она использовала их в каждом спектакле.

Немногочисленность семейной труппы Марчей вынуждала двух главных исполнительниц играть в каждой пьесе по несколько ролей. Они не жалели сил на заучивание и, конеч-

но, заслуживали всяческой похвалы. Впрочем, выучить роли – ещё полдела. Мег и Джо носились по сцене как угорелые – меняли костюмы, переставляли декорации. Словом, занятие это требовало от них немало сил.

И вот наступил рождественский вечер. На кровати, которой была отведена роль партера, уселись приглашённые. С волнением, чрезвычайно льстившим исполнителям, девочки взирали на жёлто-синий ситцевый занавес, из-за которого доносились шорохи, таинственный шёпот и смех – это Эми была не в силах соблюдать тишину за кулисами.

Но вот зазвенел колокольчик, занавес открылся, и представление началось. Дремучий лес изображали домашние цветы и зелёная бязевая ткань, расстеленная на полу. В глубине сцены виднелась пещера, верхняя часть которой была сделана из рамы для сушки белья, а боковые стены – из двух комодов. В пещере ярко пылал огонь, над ним висел котёл, подле сидела ведьма. Сцену окутывал мрак, и отблеск пламени как нельзя лучше создавал нужную атмосферу. Ведьма сняла крышку с котла, в воздух поднялся пар, и зрители в восторге захлопали. Когда аплодисменты утихли, на сцену вышел злодей Хуго в лихо заломленной шляпе. Кроме того, на нём были сапоги и глухой плащ, который очень подходил к густой чёрной бороде. Висевшая на боку шпага глухо позвякивала. Хуго пребывал в великом волнении. Продефилировав несколько раз по сцене, он вдруг хлопнул себя по лбу и разразился бурной тирадой, в коей повёл речь о том,

как любит Зару и как кипит ненавистью к Родриго. Потом он поведал публике о своих великих планах на ближайшее будущее – он намеревается покончить с Родриго и завоевать сердце Зары. Хуго говорил грубым голосом, а когда его одолевали особенно бурные чувства, срывался на крик. На зрителей этот персонаж произвёл не менее сильное впечатление, нежели огонь в пещере, и стоило злодею сделать паузу, как зал разражался аплодисментами.

Злодей Хуго раскланялся с таким видом, точно аплодисменты для него – дело привычное. Потом он подошёл к пещере и властным голосом произнёс:

– Подойди ко мне, служанка!

Тут на сцене появилась Мег. Пряди из серого конского волоса свисали ей на лицо, а красно-чёрный балахон, усеянный каббалистическими знаками, и клюка довершали облик колдуньи. Хуго потребовал у ведьмы приворотного зелья, с помощью которого рассчитывал покорить Зару, и одновременно зелья смертельного, коим собирался умертвить Родриго. Колдунья Хагар ответила полной драматического накала тирадой, пообещав доставить злодею и то, и другое. Она возвала к духу, ведающему любовными напитками:

Прилети сюда, как пух,
Принеси напиток, дух!
Из росы и из цветов
Мне его ты приготовь
И доставь сюда быстреей.

Ну, лети же поскорей!

Тут зазвучала нежнейшая музыка, и из пещеры вышло златокудрое создание с крылышками, в белых одеяниях и с венком роз на голове. Размахивая волшебной палочкой, существо запело:

Я летел с вышины,
Прямо с самой Луны,
Вам я чары принёс до утра.
Пусть послужат вам ночь,
Чтоб беду превозмочь.
Их принёс я во имя добра!

Крылатый дух бросил к ногам колдуньи позолоченный флакон и исчез, а колдунья пропела ещё одно заклинание. Вдруг на сцене появился призрак в безобразных лохмотьях и чёрном гриме. Прохрипев что-то в ответ, он бросил под ноги Хуго чёрный пузырёк и, разразившись демоническим хохотом, с шумом прыгнул за кулисы.

Хуго громко поблагодарил колдунью и, заткнув пузырьки за голенища сапог, отправился восвояси.

Колдунья не преминула сообщить почтенной публике, что злодей Хуго уже прикончил нескольких её друзей; она проклинает Хуго и не пожалеет сил для отмщения. Словом, после заявления колдуньи никто из публики не сомневался, что планам злодея не суждено осуществиться. Занавес закрылся,

и зрители, посасывая леденцы, принялись наперебой обсуждать спектакль.

Из-за задвинутого занавеса довольно долго доносился стук молотка, и зрители начали было жаловаться на то, что антракт затягивается. Но вот занавес раздвинулся, и зрители могли оценить титаническую работу декораторов перед вторым действием.

На сцене до самого потолка высилась башня с горящей лампой в окне. Из-за белых занавесок выглядывала Зара, облачённая в голубое платье с серебряными блёстками, – она поджидала своего возлюбленного.

Вскоре он явился. На Родриго были берет с пером и красный плащ. Из-под берета выбивались каштановые кудри, в руках он держал гитару, ну и, разумеется, обут он был всё в те же знаменитые сапоги.

У подножия башни Родриго преклонил колено и сладостным голосом исполнил серенаду. Зара ответила ему песней, в которой выражалось согласие бежать с ним хоть на край света.

И тут наступил самый эффектный момент спектакля. В руках у Родриго появилась верёвочная лестница с пятью ступенями. Один конец Родриго закинул в окно и попросил Зару спуститься вниз. Но бедная Зара забыла, что одета в платье с длинным шлейфом! Эта оплошность ей дорого стоила. Шлейф зацепился за подоконник, башня закачалась и неожиданно обрушилась на несчастных возлюбленных.

Зрители ахнули, а из-под обломков показались порыжевшие сапоги дона Родриго и златокудрая голова его прелестной возлюбленной.

– Я же тебе говорила! Так я и знала! Так и знала! – с укоризной твердила Зара.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, не прояви дон Педро, жестокосердный отец Зары, неожиданную находчивость. Стремглав выбежав на сцену, он грубо схватил дочь за руку и потащил в сторону от возлюбленного.

– Делай вид, что так и надо, и не вздумай смеяться, – шепнул он ей на ухо, а вслух сурово отчитал Родриго за нанесённый урон, приказав покинуть пределы его королевства.

Родриго остался глух к словам почтенного джентльмена. Пример его оказался заразителен. Вдохновлённая мужеством возлюбленного, Зара заявила, что не покинет дона Родриго. И тогда тиран-отец распорядился бросить обоих в подземелье. Он вызвал тюремщика с цепями, и тот увёл строптивых влюблённых. Вид у тюремщика был крайне испуганный – создавалось впечатление, будто он забыл произнести отведённые ему в пьесе слова.

Третий акт трагедии развернулся в зале замка. Снова явилась колдунья Хагар. Она горела желанием освободить влюблённых и покончить с проклятым Хуго. Услышав его шаги, она подсмотрела, как он подмешивает зелье в кубки с вином.

Сделав своё чёрное дело, Хуго велел робкому тюремщику передать влюблённым кубки.

– Скажи, пусть ждут меня, я приду и освобожу их, – произнёс коварный лицемер.

Продолжая что-то обсуждать, Хуго и слуга отошли в сторонку, а Хагар в это время подменила отравленные кубки другими – с чистым вином. И только после того, как операция полностью завершилась, слуга Фердинандо вспомнил о поручении Хуго и понёс вино двум узникам.

Тут настал волнующий момент. Увидев, что Хуго и сам решил смочить горло, Хагар незаметно поставила на стол кубок, который злодей уготовил несчастному Родриго.

Хуго неспешно осушил кубок и тотчас с безумным видом заскакал по сцене. Это продолжалось довольно долго. Хуго наконец упал и, корчась, замер, что должно было означать гибель злодея.

Всё время, пока злодей бился в предсмертных муках, Хагар исполняла чрезвычайно назидательную песню, в которой подробно объяснялось, за какие грехи он наказан.

Словом, сцена была впечатляющая. Правда, эффект несколько снизился из-за того, что у умирающего неожиданно выбились из-под шляпы длинные каштановые волосы. Но Джо не растерялась. Она выбежала со сцены, а секунду спустя появилась вместе с Хагар, чья песня стоила всей пьесы. Раздались аплодисменты, и оплошность с причёской была совершенно забыта.

Но не надо думать, что это была последняя сильная сцена. Публике ещё предстояло пережить множество волнующих

моментов.

Чего, к примеру, стоила сцена, в коей Родриго, услышав лживую весть, будто Зара отказывается от него, вознамерился вонзить себе в сердце кинжал! Он уже приставил клинок к груди, и тут мелодичнейший голос из-за кулис уведомил несчастного страдальца, что Зара верна ему. Тут бы публике немного передохнуть от волнений, но нет – стремительное действие повергает зал в новые переживания. Тот же голос из-за стены сообщает об ужасной опасности, которая нависла над Зарой. Правда, Родриго может спасти девушку. Владелец голоса не только посоветовал, но и помог Родриго осуществить спасение. Откуда ни возьмись, у ног нашего пылкого героя появился ключ от темницы. Родриго немедленно сорвал с себя цепи и, отворив дверь подземелья, кинулся на выручку Заре.

А пятый акт! Какая бурная сцена разыгралась между Зарой и доном Педро! Тиран-отец требовал, чтобы дочь немедленно ушла в монастырь, но стойкая девушка и слушать об этом не хотела. Она нежно, но твёрдо молила отца пощадить её и, так как он отказался это сделать, собиралась упасть в обморок, но в тот самый момент вбежал дон Родриго и потребовал у дона Педро руки Зары.

Они принялись яростно бороться, но даже эта беспощадная битва не привела к согласию: дон Педро изрядно смущало, что дон Родриго беден, а тот не желал мириться с тем, что отсутствие средств препятствует его семейному счастью.

В знак протеста дон Родриго решил увести Зару силой, но в это время в залу вошёл слуга и передал мешок и письмо от колдуньи Хагар, внезапно исчезнувшей из замка. В письме говорилось, что она завещает юным влюблённым несметные сокровища. Одновременно Хагар обращалась к дону Педро, суля грозному отцу Зары страшные напасти, если он и впредь будет мешать счастью дочери.

Развязали мешок, из него высыпалось такое количество жестяных монет, что они усеяли всю сцену. Разумеется, эта куча денег не оставила равнодушным дону Педро, который сразу утратил свою суровость и дал согласие на брак дочери.

Все принялись петь благодарственную песнь, и занавес опустился в тот момент, когда молодые, стоя на коленях, получали от дону Педро благословение.

Бурные аплодисменты сотрясали зал, но тут произошла ещё одна неприятность. Складная кровать, на которой расположился «партер», неожиданно рухнула, и зрители попадали на пол. Дон Родриго и дон Педро проворно бросились им на выручку, так что никто не пострадал, если не считать зрителей, которые настолько ослабели от хохота, что едва могли стоять на ногах. Не успела утихнуть вся эта суматоха, как в комнате появилась Ханна.

– Миссис Марч просит молодых леди отужинать с нами, – торжественно объявила она.

То, что ожидало всех в столовой, ошеломило не только гостей, но и сестёр Марч. Конечно, они знали, как любит их

Марми потчевать гостей, но такого угощения в своём доме девочки не видели с тех пор, как их семья потеряла достаток. На столе стояли разнообразные печенья, блюдо с белым и розовым мороженым, французские конфеты. Украшали рождественский стол четыре вазы с цветами.

Девочки застыли в изумлении, а мать отвечала им счастливым взглядом.

– Какие феи здесь побывали?! – ахнула Эми.

– А может, это всё Санта-Клаус? – воскликнула Бет.

– Нет, это наша мама, – сказала Мег, и сквозь седую бороду, которую она не успела снять после спектакля, проступила улыбка.

– Видно, нашу тётушку Марч хватил припадок доброты, и она отгрохала нам ужин! – воскликнула Джо, выразив восторг в своей излюбленной грубовато-мальчишеской манере.

– А вот и не угадали, – ответила миссис Марч. – Всё это прислал мистер Лоренс.

– Дедушка того мальчика? – удивилась Мег. – Но как это пришло ему в голову? Мы ведь даже незнакомы с ним.

– Ханна рассказала одной из его служанок, как мы сегодня завтракали. Старого чудака эта история очень позабавила. Много лет назад он водил дружбу с моим отцом. Он напомнил мне об этом в записке, которую прислал сегодня днём. А написал он, чтобы спросить, не буду ли я против, если он в ознаменование праздника пришлёт моим детям сладости. Ну как же я могла ему отказать! Зато теперь у вас настоящее

Рождество. Можете считать, что получили это в награду за скромный завтрак.

– Тот самый мальчик ему посоветовал. Замечательный человек! Жаль, что мы незнакомы. Мне кажется, он бы не прочь с нами познакомиться, только стесняется. Я хотела заговорить с ним, но Мег не позволила. А чего тут такого, раз он всё равно проходил мимо! – выпалила Джо.

Тем временем гостям раздали тарелки, и в сопровождении восторженных охов и ахов мороженое стало исчезать.

– О ком ты говорила? – спросила одна из приглашённых девочек. – Это ваши соседи? Моя мама знакома с мистером Лоренсом. Он очень заносчивый старик, надменный, ни с кем из соседей не знает. И внука своего никуда не пускает. Бедному мальчику разрешается только кататься на пони или гулять с воспитателем. Вот и всё. Дед всё время заставляет его заниматься. Мы приглашали его в гости, но он не пожелал. Мама считает, он хороший мальчик, но он никогда не разговаривает с девочками.

– Ничего подобного! – решительно возразила Джо. – Однажды у нас пропала кошка, а он её нашёл и принёс. Потом он стоял у забора, и мы отлично поговорили о крокете и о других вещах, а когда подошла Мег, он сразу ушёл. Ничего, я всё равно подружусь с этим мальчиком. По-моему, он умирает от скуки. Должен же человек с кем-нибудь общаться!

– По-моему, этот мальчик хорошо воспитан, – поддержала Джо миссис Марч. – Он держит себя как джентльмен. Думаю,

вам действительно стоит познакомиться с ним поближе. Эти цветы принёс сегодня он. Знала бы я, что у вас делается наверху... Надо было его пригласить. Он услышал, какой шум доносится от вас. Видно было, что ему очень не хочется уходить. Он, конечно, ничего не сказал, но, когда прощался, у него сделалось такое грустное лицо... Мне показалось, ему живётся не очень весело.

– Ты права, – улыбнулась Джо и, критически оглядев свои сапоги, добавила: – Не надо было сегодня его приглашать. Мы сделаем по-другому. Поставим новый спектакль специально для него и позовём его. Может, он сам согласится играть? Вот было бы здорово!

– Никогда ещё мне никто не дарил букетов, – сказала Мег. – Какие красивые цветы!

– Цветы прекрасные, но розы Бет мне всё равно дороже, – отозвалась миссис Марч и понюхала розу, которая по-прежнему украшала её платье.

Бет ласково прижалась к матери:

– Жаль, что нельзя послать папе букет. Боюсь, ему выдалось не такое весёлое Рождество.

Глава III

Лоренс-младший

– Джо? Где ты, Джо? – звала Мег, стоя у чердачной лестницы.

– Я тут, – не сразу донёсся сверху сдавленный голос. Мег взбежала на чердак и нашла Джо на её любимом месте.

Закутавшись в плед, она сидела на софе с отломанной ножкой, лила слёзы над романом Шарлотты Лонг «Наследник Редклифа» и одновременно ела большое яблоко. Джо всегда уединялась сюда, прихватив интересную книгу и с полдюжины яблок. Здесь ей ничто не мешало, и она вдоволь наслаждалась чтением и тишиной.

На чердаке жила крыса. Они с Джо давно привыкли друг к другу, и славное животное охотно откликалось на кличку Скребл. Сейчас Скребл тоже наслаждалась обществом своей юной подруги, и лишь появление Мег вынудило её скрыться в норке. Джо оторвалась от чтения и, вытирая ладонью слёзы, вопрошающе посмотрела на сестру.

– Угадай, от кого мы только что получили приглашение? От миссис Гардинер! Завтра она ждёт нас к себе. – Мег торжествующе помахала перед носом у Джо бумажкой, затем развернула её и прочла вслух: – «Миссис Гардинер будет счастлива видеть мисс Маргарет Марч и мисс Джозефину

Марч на маленьком новогоднем балу». Марми сказала, что отпускает нас. Вот только что мы наденем?

– А чего гадать понапрасну? – И Джо обиженно надула губы. – Сама прекрасно знаешь: кроме поплиновых⁴ платьев, у нас ничего нет.

– Как мне хочется шёлковое платье! – вздохнула Мег. – Мама обещает, когда мне исполнится восемнадцать лет... Но до этого ещё два года ждать...

– Впрочем, наши поплиновые платья выглядят не хуже шёлковых. Они достаточно нарядны. Особенно твоё, Мег. Совсем как новое. Вот с моим дело обстоит хуже. На нём появилась дыра, я его подпалила. Что делать, прямо ума не приложу. Подпалина очень заметна.

– А ты сиди в гостях смиренно! И не поворачивайся спиной! Спереди-то оно нормальное. Я вплету в волосы новую ленту, а мама даст мне свою жемчужную булавку. Бальные туфли у меня новые и выглядят прелестно. Перчатки не в очень хорошем состоянии, но и они сойдут.

---

⁴ Поплин – ткань из хлопка или шёлка, имеющая поперечные рубчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.